Вх
5-19
351
38

СВѢТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА ВЪ РОССІИ

ДО ИЗДАНІЯ УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ УГОЛОВНЫХЪ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ 1845 ГОДА.

Не мало своеобразныхъ особенностей, какъ извѣстно, представляетъ наше уложеніе о наказаніяхъ, сравнительно съ другими европейскими кодексами,—и между этими особенностями не послѣднее мѣсто занимаетъ оригинальное отношеніе русскаго уголовнаго законодательства къ церковному покаянію. На западѣ давно уже сложилось убѣжденіе, что государство имѣетъ свои опредѣленныя задачи, совершенно отличныя отъ цѣлей, къ которымъ стремится Церковь, и что въ виду такого различія ни государство не должно мѣшать Церкви въ осуществленіи ею дисциплинарной власти надъ ея членами, ни Церковь не должна тормазить дѣятельность государства, направленную къ осуществленію его собственныхъ, государственныхъ цѣлей. Если нельзя сказать, чтобы и на Западѣ границы государственной и церковной жизни были опредѣлены съ точностію, недопускающею сомнѣній, если, далѣе, и съ теоретической стороны, представляются пункты сомнительные, спорные и трудные для разрѣшенія: то, во всякомъ случаѣ, безспорными и ясными, какъ день, признаются двѣ вещи, — во-первыхъ, что Церковь есть своеобразное общество, существующее въ виду особенныхъ цѣлей, Церкви одной свойственныхъ и ею одною дости-

гаемыхъ, — и во-вторыхъ, что подобные вопросы, какъ очищеніе совѣсти, примиреніе съ Богомъ, стоятъ внѣ сферы государственной дѣятельности и государственныхъ попеченій. Устраивая земное благополучіе частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ, существующихъ въ предѣлахъ данной территоріи, современное государство не задается сверхземными цѣлями, предоставляя достиженіе этихъ послѣднихъ самому религіозному обществу. Руководимыя подобнымъ воззрѣніемъ европейскія государства прежде всего вычеркнули изъ своихъ кодексовъ церковное покаяніе, какъ мѣру, налагаемую государственнымъ уголовнымъ судомъ; а затѣмъ и у наказаній собственно церковныхъ, т. е. налагаемыхъ по иниціативѣ и усмотрѣнію Церкви, стараются отнять какія бы то ни было невыгодныя послѣдствія для гражданскаго и государственнаго положенія лицъ, наказанныхъ церковнымъ судомъ.

Что же представляетъ наше уложеніе? При самомъ бѣгломъ пересмотрѣ его статей невольно поражаешься массой случаевъ, гдѣ имѣетъ мѣсто церковное покаяніе. То является оно единственною мѣрою, несопоставляемою съ какимъ либо другимъ наказаніемъ, съ какою-либо другою мѣрою вообще, то, всего чаще, оно является необходимымъ спутникомъ другихъ наказаній, уголовныхъ или исправительныхъ, принимая въ послѣднемъ случаѣ характеръ мѣры добавочной.

Отношеніе нашего дѣйствующаго права къ вопросамъ церковной дисциплины вообще, и къ церковному покаянію въ особенности, есть нечто иное, какъ историческое наслѣдство отъ временъ давно минувшихъ. Въ основныхъ своихъ чертахъ, взглядъ дѣйствующаго законодательства обязанъ своимъ происхожденіемъ византійскимъ традиціямъ. Онъ проводился въ жизни въ самыя первыя времена существованія христіанской религіи на Руси; затѣмъ, съ особенною яркостію и настойчивостію долженъ былъ выражаться съ того времени, какъ удѣльно-вѣчевая рознь

начала уступать мѣсто московскому единодержавію и самодержавію; наконецъ, видоизмѣненный нѣсколько въ Петровскую эпоху, онъ перешелъ и въ дѣйствующее законодательство.

Какъ скоро христіанская религія объявлена была въ римско-византійской имперіи господствующею, глава имперіи вошелъ въ весьма близкія отношенія къ Церкви. Уже первый христіанскій императоръ, Константинъ великій, носилъ титулъ внѣшняго епископа. Императоръ Юстиніанъ объявилъ каноны церковные имѣющими силу закона, такъ что правила каноническія получили императорскую санкцію, которая придала имъ обязательное значеніе, наравнѣ съ государственными законами Такимъ образомъ преступленія противъ вѣры стали государственными преступленіями, караемыми уголовною властію; въ одной конституціи Юстиніана встрѣчается замѣчательное выраженіе: anathematisamus omnem haeresin... (имѣются въ виду въ особенности Несторій, Евтихій и Апполинарій); anathemate damnamus eorum etiam dogmates et eos, qui eadem cum ipsis senserunt, aut sentiunt, ut alienos a sancta Dei catholica et apostolica Ecclesia,[1] т. е. императоръ предаетъ анаѳемѣ догматическія вѣроученія еретиковъ, а равно и всѣхъ ихъ послѣдователей, какъ чуждыхъ святой каѳолической и апостольской Божіей Церкви. Императорская власть рисуется въ Epanagoge слѣдующими общими чертами: «императоръ есть законное начальство, общее благо для всѣхъ подданныхъ; его задача состоитъ въ охраненіи и безопасности существующаго, въ неутомимомъ стремленіи къ возвращенію потерянаго и въ достиженіи еще несуществующаго чрезъ благоразуміе и мудрые законы; онъ долженъ быть твердъ и ревностенъ въ вѣрѣ въ Троицу, въ два естества, въ двѣ воли и въ два дѣйствія во Христѣ. Его дѣятельность простирается на просвѣщеніе и укрѣп-

[1] Cod. Justin. lib. 1. tit. 1. De summa Trinitate et fide catholica.

леніе какъ физической, такъ и духовной жизни, тогда какъ высокая должность патріарха направлена только на спасеніе душъ».[1] Соборы—это, съ древнѣйшихъ временъ, всеобщее выраженіе воли отдѣльныхъ церквей и высшее церковное учрежденіе,—созываются императоромъ. Есть примѣры, что христіанскіе императоры не дозволяли созванія соборовъ, какъ ни просили объ этомъ епископы. Все, на соборахъ происходящее, регулировалось императорскимъ волею. Это церковное полновластіе къ началу XIII вѣка развилось въ такомъ видѣ, что Дмитрій Хоматинъ, архіепископъ болгарскій, въ своемъ посланіи къ Константину Кавасилѣ, позволимъ себѣ назвать императора христіанскою главою, которому Церковь не отказываетъ ни въ чемъ, кромѣ совершенія богослуженія. Но, съ другой стороны, руководящими нормами для императора въ его дѣятельности, кромѣ существующихъ въ римскомъ мравѣ законовъ, должны были служить: священное Писаніе и постановленія семи вселенскихъ соборовъ и св. отцовъ. [2] Мы увидимъ, какъ эти общія византійскія воззрѣнія сказались въ исторіи русской Церкви и русскаго государства, а что воззрѣнія эти необходимо должны были оказать вліяніе на русскую мысль и на строй русской жизни, — въ этомъ, конечно, никто не будетъ и сомнѣваться.

Уже въ первомъ законодательномъ памятникѣ древней Руси, приписываемомъ первому христіанскому князю, св. Владиміру, слышится отголосокъ вязантійскихъ царей: «то все далъ есмь по первыхъ царевъ уряженью и по вселенскыхъ святыхъ семи зъборовъ великихъ святитель».[3] — Заключается уставъ слѣдующими знаменательными словами: «кто переступить си правила, якоже есьмы упра-,

---

[1] Τιτλ. ά. περὶ βασιλέως.—[2] Подробныя разъясненія и доказательства можно найти у Mortreuil'a; Histoire du droit byzantin. Paris. 1843 г. т. I. стр. 196.—198. Также у Biener'a: Geschicht der Novellen, стр. 162—163 и сл., и у Zhishman'a; Das Eherecht der orientalischen Kirche.

[3] Дополн. къ Акт. ист.. т. I. № 1.

вили по святыхъ отець правиломъ и по пьрвыхъ царевъ управленью, кто иметь переступати правила си, или дѣти мои, или правнучата, или въ которомъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судья, а пообидять судъ церковный, или кто иный, да будутъ прокляты въ сій вѣкъ и въ будущій семію зъборовъ святыхъ отець вселенскыхъ.»

Подобныя заклинанія находятся въ церковномъ уставѣ Ярослава; въ жалованной грамотѣ Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю; [1] въ уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ; [2] въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича смоленской епископіи,[3] и въ другихъ актахъ того времени. Князь вмѣняетъ себѣ въ священнѣйшую обязанность блюсти интересы Церкви, но здѣсь еще нѣтъ пока спеціальныхъ указаній на отношеніе князя къ церковной дисциплинѣ. Пробѣлъ этотъ, впрочемъ, недолго остается невосполненнымъ: сынъ Владиміра равноапостольнаго въ своемъ уставѣ о церковныхъ судахъ даетъ цѣлый кодексъ подлежащихъ суду Церкви преступленій и соотвѣтствующихъ имъ наказаній, отмѣчая между этими преступленіями рядъ такихъ, гдѣ отвѣтственность предъ церковною властію идетъ рука объ руку съ отвѣтственностію передъ княземъ («епископу въ винѣ, а князь казнитъ»), или же указывая случаи примѣненія церковной епитиміи («а епитимью да примутъ», а «епитимья по закону»), или же, наконецъ, просто опредѣляя, что въ данномъ случаѣ виновный долженъ отвѣчать предъ епископомъ,—въ нѣкоторыхъ редакціяхъ предъ митрополитомъ («епископу въ винѣ», «митрополиту у винѣ и въ казни»).

Обходя, затѣмъ, эпоху усобицъ удѣльновѣчевой Руси, когда и сама власть государственная не имѣла достаточной крѣпости, вслѣдствіе обособленности и безсилія отдѣль-

---

[1] Дополн. къ Акт. ист., т. I. № 2.—[2] Тамъ же № 3.—[3] Тамъ же № 4.

ныхъ княжествъ, мы остановимъ наше вниманіе на томъ періодѣ времени, когда Москва подняла знамя государственнаго единства и самодержавія. Верховная власть становится въ ближайшее отношеніе къ интересамъ Церкви, религіи и христіанской нравственности, — на столько близкое, что уклоненія отъ истинъ вѣры и отъ исполненія церковныхъ заповѣдей вообще разсматриваются какъ дѣйствія, нетерпимыя въ государствѣ и караемыя, поэтому, государственными законами. Уже о первомъ московскомъ самодержцѣ Иванѣ III въ лѣтописи говорится, что «онъ съ отцемъ своимъ Зосимой митрополитомъ, и съ епископы, и со всѣмъ священнымъ соборомъ русскія митрополіи, обыскавъ ихъ (жидовствующихъ) скверныя ереси, тѣхъ еретиковъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, отъ святыя соборныя и апостольскія Церкве отлучиша, и изъ сану извергоша, и проклятію предаша, и въ заточеніе ихъ разослаша».[1] Приведенное мѣсто изъ лѣтописи очень наглядно обрисовываетъ то положеніе, которое заняла государственная власть: князь и митрополитъ представляются дѣйствующими рука объ руку въ преслѣдованіи еретиковъ; мѣры, направленныя противъ еретиковъ: отлученіе, изверженіе, проклятіе и, наконецъ, заточеніе исходятъ отъ князя и митрополита вмѣстѣ. Тутъ было бы затруднительно провести точныя границы между тѣмъ,

[1] Полн. собр. руск. лѣт. т. VIII (Воскрес. спис.), стр. 220. Ср. слова первой Софійской лѣтописи о томъ же Иванѣ III: «князь великій Иванъ Васильевичъ и сынъ его князь великій Василій Ивановичъ съ отцемъ своимъ Симономъ митрополитомъ, и съ епископы, и съ всѣмъ соборомъ обыскаша еретиковъ и повелѣша лихихъ смертною казнію казнити.., сожгоша въ клѣткѣ... инымъ повелѣша языки урѣзати... а иныхъ въ заточенье послаша, а иныхъ по монастыремъ. (П. С. Р. Л. т. VI, Соф. I лѣт. подъ 7013 г. См. также въ Новгор второй лѣтописи (П. С. Р. Л. т. III) подъ 7012 г: «Великій князь Иванъ Васильевичъ и сынъ его великій князь Василій Ивановичъ, и Симонъ митрополитъ, и архіепископы, и епископы и т. д. отлучиди вдовцевъ, поповъ и діаконовъ,— обѣдней имъ отъ сихъ мѣстъ не служити, и вечерня и утренняя пѣти имъ, и причащатися попомъ въ алтарѣ... а не служити обѣдней діакономъ вдовымъ.»

что налагается духовною властію и тѣми мѣрами, которыя проистекаютъ отъ авторитета свѣтской власти. Лѣтописецъ не говоритъ, будто митрополиту въ данномъ случаѣ принадлежали чисто духовныя мѣры, т. е. отлученіе, изверженіе и проклятіе, тогда какъ заточеніе, напротивъ, исходило отъ княжеской власти. Онъ не пріурочиваетъ той или другой мѣры къ тому или другому изъ этихъ обоихъ авторитетовъ. И о князѣ, и о митрополитѣ говорится вмѣстѣ, что они отлучиша, извергоша и т. д. [1] Въ указанномъ случаѣ князь представляется блюстителемъ православія, т. е. блюстителемъ чистоты вѣроученія православнаго отъ еретическихъ искаженій: чѣмъ далѣе, тѣмъ настойчивѣе проводится этотъ взглядъ, и уже не только относительно цѣлости православія, но и относительно христіанской нравственности и церковной дисциплины. На этой идеѣ построены всѣ постановленія стоглаваго собора. Царь отъ себя лично возбуждаетъ длинный рядъ вопросовъ относительно различныхъ, замѣченныхъ имъ, безпорядковъ въ церковной жизни, и относительно средствъ къ устраненію этихъ безпорядковъ. Замѣчанія царя касаются весьма часто самыхъ мелочныхъ подробностей церковнаго порядка, напр. относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку, или мыло, [2] относительно безпорядочной жизни иконныхъ живописцевъ, [3] или по поводу того, что «по правиламъ св. отецъ, не подобаетъ мытися мужу съ женою. [4] Идея блюстительства церковнаго благочинія

---

[1] Припомнимъ здѣсь всѣ вообще, такъ называемые, освященные соборы, въ которыхъ на ряду съ представителями церковной власти непремѣнно принималъ непосредственное участіе и царь съ своимъ синклитомъ. Всѣ появлявшіяся отъ времени до времени ереси въ Россіи были осуждаемы на такихъ соборахъ. Такъ были осуждаемы напр. стригольники, жидовствующіе, Башкинъ, Максимъ Грекъ, Вассіанъ, игуменъ Артемій, Висковатый и т. д. См. Акт. истор. т. I. № 285. Акт. экспед. т. I. №№ 238, 239, 380; Чтен. Москов. Общ. истор. и древн. росс., засѣд. 28 февр. 1847 г. отд. 2 и 26 апр. 1847 г. отд. 4.—[2] Стоглавъ, изд. Кожанчикова, гл. 41, стр. 129.—[3] Тамъ же, стр. 152.

[4] Тамъ же, гл. 41, вопр. 18.

хорошо выражена въ 34 главѣ.: «а которые протопопы и попы и діаконы учнутъ жити въ слабости, въ лѣности и во пьянствѣ, и въ прочихъ неподобныхъ дѣлѣхъ, ихъ же ненавидитъ Богъ, или учнутъ глумитися мирскими кощунами и ходити на мирскія позорища, или въ корчмы ходити и игры слушати, или учнутъ нерадиво жити и о церкви Божіей небрещи, или учнутъ о своихъ дѣтехъ духовныхъ нерадити и того церковнаго дѣла не бречи, или не учити ихъ страху Божію, и о томъ о всемъ достовѣрно и извѣстно испытавше всячески... да возвѣщаютъ святителемъ, и святители тѣхъ поповъ и діаконовъ о ихъ безчинствѣ духовнѣ наказываютъ съ великимъ запрещеніемъ, овому духовное наказаніе, овому страхъ, иному же отлученіе по священнымъ правиломъ, а которые священники и діаконы не учнутъ слушати святительскаго наказанія. . таковіи будутъ отъ своихъ святителей въ конечномъ изверженіи священничества и преданы будутъ царскому суду».[1]

Между исчисленными здѣсь и запрещенными соборомъ дѣяніями, нѣтъ ни одного, которое бы мы могли назвать преступленіемъ или даже проступкомъ противъ государственнаго порядка,—и тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ стоитъ царскій судъ, какъ крайній блюститель церковнаго благочинія и нравственности.

По нѣкоторымъ вопросамъ соборъ прямо обращался къ царю, чтобы благочестивый государь свою царскую заповѣдь учинилъ, якоже самъ вѣсть, напримѣръ о волхвахъ и чародѣяхъ, о скоморохахъ, о дѣтяхъ боярскихъ, пропивающихся и играющихъ зернью, о лживыхъ пророкахъ и т. п. Такъ, напримѣръ, со стороны царя идетъ слѣдующій запросъ: «да въ нашемъ православіи нѣцыи не

[1] Въ казанскомъ изданіи Стоглава значится: «церковному суду», а не царскому, какъ въ изданіи Кожанчикова. Нѣтъ, кажется, надобности доказывать, что послѣднее чтеніе вѣрнѣе. За святительскими наказаніями и, тѣмъ болѣе, за «конечнымъ изверженіемъ священничества», не могло слѣдовать никакого церковнаго суда, а могъ только имѣть мѣсто судъ царскій.

прямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, или образы святыхъ и на полѣ бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ и во аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ, и на тѣ чарованія надѣяся поклепца и ябедникъ не мирятся и крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и поклепавъ убиваютъ». Соборъ отвѣчаетъ на этотъ запросъ слѣдующимъ образомъ: «благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ и п всѣмъ градомъ своя царская заповѣдь учинити, чтобы таковые волхвы и чародѣи и кудесники и смотрящіи во рафли и во аристотелевы врата и проч., и таковая вся богомерзкая прелесть и святыми отцы отречена бысть, ио отнынѣ и впредь та ересь попрана бы была до конца въ твое христолюбивое царство; аще ли кто впредь отъ православныхъ христіанъ учнетъ таковыми чародѣйствы въ народѣ, или по домомъ, или у поль прельщати и потомъ обличены будутъ, то преданнымъ чародѣйству быти отъ царя въ великой опалѣ, а перенимающимъ у нихъ отверженнымъ и проклятымъ быти по священнымъ правиломъ.[1]

Въ такомъ же направленіи идетъ и послѣдующее законодательство. Во второмъ дополнительномъ указѣ къ Судебнику, по цареву и великаго князя слову повелѣвается Андрею Берсеневу да хозяину Тютину велѣти по торгамъ кликати, чтобы православные христіане отъ мала и до велика, именемъ Божіимъ во лжу не клялись, и на кривѣ креста не цѣловали, и иными неподобными клятвами не клялись и матерны бы не лаялись, и отцемъ и матерью скверными другъ друга не укоряли, и бородъ бы не брили и не обсѣкали, и усовъ бы не подстригали, и къ волхвомъ бы и чародѣемъ и звѣздочетцемъ волхвовати не ходили, и

[1] Стоглав. гл. 14, вопр. 17.

у поль бы чародѣи не были; а которые безчинники, забывъ страхъ Божій и царскую заповѣдь, учнутъ.... и тѣмъ быти отъ царя и великаго князя въ великой опалѣ, по градскимъ законамъ, а отъ святителей имъ же быти въ духовномъ запрещеніи по священнымъ правиломъ. [1]

Изъ приведеннаго отрывка видно, что за извѣстныя преступленія противъ нравственности отвѣтственность предъ великимъ княземъ идетъ параллельно съ отвѣтственностію предъ церковною властію. Но иногда въ древнихъ памятникахъ о послѣдняго рода отвѣтственности вовсе не упоминается или потому, что она подразумѣвается сама собою, или потому, что одна она, сама по себѣ, не могла служить достаточно вѣскимъ задерживающимъ мотивомъ въ отношеніи къ различнаго рода проявленіямъ безнравственности. Такъ въ 1649 г. верхотурскій воевода Рафъ Всеволожскій посылаетъ память прикащику ирбитской слободы съ приказаніемъ объявить царскій указъ нижеслѣдующаго содержанія: «чтобы въ ирбитской слободѣ мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ и дѣти, въ воскресенье и въ Господскіе дни и великихъ святыхъ къ церквамъ Божіимъ къ пѣнію приходили и въ церкви Божіей стояли межь себя смирно, въ пѣніе никакихъ рѣчей не говорили и слушали бы церковнаго пѣнія со страхомъ и со всякимъ благочестіемъ, внимательно, и отцевъ своихъ духовныхъ и учительныхъ людей наказанья и ученія слушали, и отъ безмѣрнаго пьянаго питья уклонялися и были въ трезвости, и скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и ко младенцомъ и въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны не смотрѣли, и въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не купалися, и съ серебра по домомъ не умывалися, и олова и воску не лили; и зернью и картами и шахматы и лодыгами не

[1] А. И. т. I, № 154. Ср. Дополн. ст. къ Судебн. А. И. т. IV, № 6.

играли, и медвѣдей не водили и съ сучками не плясали, и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали и въ ладони не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали и кулачныхъ боевъ межь себя не дѣлали, и на качелѣхъ никакихъ не качалися, и на доскахъ мужскій и женскій полъ не скакали, и личинъ на себя не накладывали и кобылокъ бѣсовскихъ не наряжали, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятся домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тебѣ бъ то все велѣть выимать, и изломавъ тѣ бѣсовскія игры, велѣть сжечь; а которые люди отъ того отъ всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впередъ таковы богомерзкаго дѣла держаться, и тебѣ бъ по государеву указу тѣмъ людемъ чинить наказанье: гдѣ такое въ ирбитской слободѣ безчиніе объявится, или кто на кого такое безчиніе скажетъ, и ты бъ тѣхъ людей велѣлъ бить батоги».[1]

Около того же времени другой воевода получаетъ царскую грамоту съ предписаніемъ: «на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ всѣмъ православнымъ христіаномъ въ Филипповъ постъ поститися со всякимъ благоговѣніемъ, по правиламъ св. отецъ и по уставамъ.... и во время божественнаго пѣнія въ церкви стоять со страхомъ и молитву творить безпрестанно, а разговоровъ и шептанія и никакихъ рѣчей межь себя не говорить», при чемъ ослушникамъ грозитъ наказаніе отъ царя.[2] Весьма характеристиченъ также указъ 1-го марта 1674 г. Въ немъ говорится: «стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди! Великій государь велѣлъ вамъ сказать: нынѣ приспѣ время свя-

[1] А. И. т. IV, № 35.—[2] Грам. 1650 г. окт. 25, (I. П. Собр. З. № 47).

таго и великаго поста къ покаянію на очищеніе отъ грѣхъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, и вы бъ приходили къ церкви Божіей по вся дни и молились Господу Богу, и у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались, а которые сподобятся святыхъ Божіихъ таинъ, и тѣ причащались, также и домочадцомъ своимъ велѣли къ церквамъ Божіимъ приходить и исповѣдываться жъ, а въ соборѣ и по приходскимъ церквамъ указалъ великій государь досматривать, кто учнетъ приходить; а которые къ церквамъ Божіимъ для моленія приходить и поститися станутъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ наказаньѣ». [1]

Итакъ царская власть блюдетъ не только надъ цѣлостію православія, но и надъ соблюденіемъ церковныхъ заповѣдей; она печется вообще о спасеніи душъ подданныхъ. Мы можемъ привести даже нѣсколько указовъ изъ прошлаго столѣтія, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ заботливости о спасеніи душъ подданныхъ. Такъ въ указѣ 1718 года подтверждается, «дабы никто лѣностно и нерадиво о душевномъ своемъ спасеніи не жилъ». [2] Въ манифестѣ Анны Ивановны 16 марта 1730 года духовному Синоду повелѣвается имѣть прилежное попеченіе, чтобы православные христіане сохраняли законъ Божій и церковныя преданія, и т. д. [3]

Приведенные нами отрывки изъ памятниковъ прошлаго рисуютъ съ достаточною отчетливостію то положеніе, которое заняла государственная власть по отношенію къ Церкви вообще и къ вопросамъ церковной дисциплины въ особенности. Имѣя въ виду это положеніе государственной власти въ отношеніи къ Церкви, мы можетъ безъ труда объяснить два любопытныя обстоятельства, неразъ повторявшіяся въ нашей исторіи. Во-первыхъ, представители церковной власти, стараясь удержать своихъ пасомыхъ отъ различнаго рода дѣяній, противныхъ религіи и нравствен-

[1] I Полн. собр. Зак. № 570. — [2] Опис. дѣлъ и докум., хран. въ синод. арх. № 761 — [3] I Полн. собр. Зак. № 5518.

ности, указываютъ не только на гнѣвъ Божій и на церковныя наказанія, ожидающія непослушныхъ, но грозятъ также и царскою опалою;[1] послѣдняя, такимъ образомъ, является, по взгляду русскихъ іерарховъ, совершенно естественнымъ и несомнѣннымъ послѣдствіемъ нарушеній нравственнаго закона. Архіепископъ новгородскій Макарій пишетъ въ вотскую пятину: «да въ вашихъ-де мѣстѣхъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ жонками и съ дѣвками, такожьде и жоны ихъ живутъ отъ нихъ съ иными людьми законопреступно безъ вѣнчанія и безъ молитвы: и вы бъ (священники) всѣхъ тѣхъ наказывали, чтобы жили законно со своими предними женами... А которые христіане наше наказаніе преступятъ, и тѣмъ всѣмъ отъ государя великаго князя быти въ великой опалѣ, а отъ насъ въ конечномъ изверженіи безъ милости».[2] Гроза царской опалы для нарушителей церковныхъ заповѣдей, въ представленіи русскихъ первосвятителей является, такимъ образомъ, вещію вполнѣ естественною, относительно которой не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Но исторія представляетъ намъ еще болѣе разительныя и еще болѣе любопытныя примѣненія этого взгляда въ практикѣ русскихъ первосвятителей. Опираясь на княжескую власть, какъ на блюстительницу церковнаго порядка, русскіе первосвятители иногда какбы считали излишнимъ замедлять дѣло возстановленія церковнаго порядка обращеніемъ къ князю и вообще къ органамъ свѣтскаго правосудія, причемъ предполагалось, въ силу господствующихъ воззрѣній времени, что свѣтская власть не можетъ не одобрить принимаемыхъ тѣмъ или другимъ іерархомъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что обѣ власти, какъ свѣтская, такъ и духовная, привыкли дѣйствовать совмѣстно

---

[1] А. И. т. I № 154, т. IV № 35. Дополн. А. И. т. II № 92 и др. см. также Древн. Вивліоѳ. т. XIV, стр. 153. Срав. привед. мѣсто изъ Стогл. гл. 41, вопр. 17. — [2] Доп. А. И. т. 1, № 28. Стогл. гл. 41, вопр 22.

къ торжеству православія и Церкви. Такова дѣятельность знаменитаго Геннадія новгородскаго. [1] Лѣтописецъ сообщаетъ о немъ слѣдующее: «Геннадій архіепископъ еретиковъ изыска и обличи въ Новгородѣ: повелѣніемъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословенію преосвященнаго митрополита Зосимы, Геннадій владыка однихъ велѣлъ жечи на Духовскомъ полѣ, иныхъ торговые казни предали, а иныхъ въ заточеніе посла, а иные въ Литву сбѣжали, а иные въ нѣмцы.»[2] О томъ же Геннадіѣ мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство, касающееся опять его дѣятельности въ отношеніи къ еретикамъ, посланнымъ къ нему изъ Москвы въ Новгородъ. О немъ разсказывается, что онъ «за 40 верстъ повелѣваше еретиковъ всажати на коня въ сѣдла ючныя; и одежа ихъ повелѣ обращати передомъ назадъ, и хребтомъ повелѣ обращати ихъ къ главамъ конскимъ, яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь, а на главы ихъ повелѣ вложити шлемы берестены остры, яко бѣсовскіе, а еловци мочальные, а вѣнцы соломенные, съ сѣномъ смѣшены, а мишени писаны на шлемѣхъ черниломъ: «се есть сатанино воинство», и повелѣ водити пограду и срѣтающимъ ихъ плевати на нихъ и глаголати: «се врази Божіи и христіанстіи хульницы», потомъ же повелѣ поджещи шлемы, иже на главахъ ихъ».[3] Повѣствователь заключаетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «сія сотвори добрый онъ пастыръ, хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретики, и не только симъ, но и прочимъ ужаса

---

[1] Лѣтописцы передаютъ намъ, впрочемъ, нѣсколько фактовъ подобнаго рода и изъ болѣе ранняго періода времени: такъ митрополитъ Леонтій еретика Адріана въ темницу послалъ; митрополитъ Никита Дмитра заточилъ въ Синелецъ. Не говоримъ уже о судѣ надъ ростовскимъ епископомъ Ѳеодоромъ. Лаврент. подъ 6677; Никоновск. стр. 152. Ипатіевск. лѣт. стр. 102.

[2] П. Собр. Р. Лѣт. т. Ш, (Новгор. вторая лѣтопись подъ 1484 г.).

[3] Прод. Древн. росс. Виніоѳ. т. XIV, стр. 134 — 135. Грѣшнаго инока Іосифа сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ.

и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцѣломудрятся.»

Въ это время составился опредѣленный взглядъ, что въ отношеніи противниковъ православія и нарушителей церковныхъ заповѣдей нужно дѣйствовать не только духовными мѣрами, но и тѣлесными наказаніями. Іосифъ волоколамскій въ посланіи къ великому князю Василью Ивановичу[1] разсуждаетъ, что грѣшника или еретика «убити молитвою или руками едино есть», и проситъ государя своимъ царскимъ судомъ искоренить «той злый плевелъ еретическій» въ конецъ. Въ примѣръ представляетъ Финееса, убившаго израильтянина; Петра, поразившаго Елиму волхва; Льва катанскаго, который волхва епитрахилью связалъ и сожегъ, самъ же вышелъ изъ огня невредимъ.

Взглядъ этотъ высказывался неразъ и впослѣдствіи. Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ сибирскому архіепископу Кипріану,[2] указывая въ извѣстныхъ случаяхъ отлучать отъ божественныхъ таинъ и не принимать въ церковь, разсуждаетъ далѣе: «аще же нѣцыи и сего не послушаютъ и всячески сопротивни будутъ вашему ученію, наипаче же Христовѣ вѣрѣ и апостольскому преданію, таковыхъ убо не точію запрещати и обличати, но и градскимъ казнямъ подлагати законъ повелѣваетъ»; при этомъ дѣлается невѣрная ссылка на Апостола, который, будто бы, «злобныхъ повелѣваетъ градскимъ судіямъ предаяти во истлѣніе тѣлеси, да духъ его спасется».[3] «Аще ли же нѣцыи малоумніи», продолжаетъ патріаршая грамота, «хотятъ рещи, яко не подобаетъ погрѣшающихъ человѣкъ и непокаряющихся истинѣ мірскимъ казнямъ подлежати и таковое повелѣніе немилостиво наречетъ кто, да слышатъ убо таковіи, что о сихъ великій Аѳанасій александрійскій глаголетъ: аще

[1] Тамъ же, т. XVI, стр 424.—[2] Румянц. соб. гос. гр. и дог. т. Ш. № 60.

[3] Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду 1 Кор. 5, 5; но Апостолъ здѣсь во все не говоритъ ни о какихъ градскихъ судіяхъ, а предаетъ кровосмѣсника *сатанѣ* во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа.

кто речетъ, яко не подобаетъ судити творящимъ смертные грѣхи, сіе еретичестіи отроцы глаголютъ; аще ли же тако бы было, не бы праведный Ное судилъ Хама ругателя раба быти братіямъ своимъ», и т. д. Аргументація дальнѣйшая состоитъ изъ тѣхъ же примѣровъ, (съ прибавленіемъ, впрочемъ, и нѣкоторыхъ новыхъ), которые мы видѣли въ посланіи Іосифа волоколамскаго къ великому князю Василію Ивановичу. [1]

Нельзя, однако, сказать, чтобы указанный взглядъ былъ общепринятымъ. Въ высшей правительственной сферѣ, какъ церковной, такъ и государственной, онъ не подвергался, правда, ни малѣйшему сомнѣнію; но со стороны частныхъ лицъ поднимались голоса, далеко нераздѣлявшіе подобныхъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ быть приведенными остроумныя и мѣткія возраженія старцевъ вологодскаго монастыря противъ вышеприведенныхъ разсужденій Іосифа волоколамскаго. «Павелъ апостолъ», говорятъ они, «ослѣпилъ молитвою Елиму волхва, но самъ же Апостолъ писа, что онъ лучше бы былъ анаѳемой отъ Христа, только бы спаслись братья его, израильтяне. Видиши ли, господине, яко и Апостолъ полагаетъ душу свою за соблазнившуюся братію, дабы спаслись, и не рекъ имъ, дабы ихъ огнь пожегъ, или земля пожерла, а моглъ бы отъ Бога вся сія пріяти и испросити. А Левъ, господине, катанскій епископъ, Леодора волхва епитрахиліею связа и сожже при гречестѣмъ царѣ, то тако и есть. А ты, господине Іосифе, почто не испытаещи своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣже бы онъ сгорѣлъ, а ты бъ въ пламени его держалъ, а мы бъ тебя, яко единаго отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшелъ, да пріяли; поразумѣй, госпо-

[1] См. также Калачова: «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права «въ прилож. стр. 75. Москва 1850 г. Въ напечатанныхъ здѣсь такъ называемыхъ» статьяхъ о святительскихъ судахъ», явившихся въ 1700 г. при патріархѣ Адріанѣ, проводится тотъ же взглядъ, что и въ грамотѣ Филарета.

дине Іосифе, яко много разни промежъ Моисея и Иліи и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ.[1]

Во-вторыхъ, отношеніемъ русской государственной власти къ вопросамъ церковной дисциплины объясняется и то, еще болѣе любопытное, явленіе, что иногда жалоба на извѣстныя дѣйствія, противныя доброй нравственности и заповѣдямъ Церкви, подается прямо царю, обходя церковныхъ властей, и царь не считаетъ себя некомпетентнымъ для разрѣшенія подобныхъ жалобъ и размотрѣнія подобныхъ дѣлъ. Старцы Сійскаго монастыря Иринархъ да Леванидъ донесли царю на старца Филарета, что этотъ послѣдній старца Иринарха лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ, и изъ кельи его выслалъ вонъ, и живетъ-де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину: всегды смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское, про птицы ловчія и про собаки и т. д., а нынѣ въ великій постъ у отца духовнаго не былъ и на крылосѣ не стоитъ. Противъ этого старца царь самолично рекомендуетъ слѣдующія мѣры: велѣть жить съ собою вмѣстѣ, ходить постоянно въ церковь, жить по монастырскому чину, внушить ему далѣе, что непричащеніе чуже христіанства, и т. д.[2] Положимъ, что фактъ, подобный только что указанному, можетъ быть объясняемъ отчасти тѣмъ соображеніемъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ монастырѣ, состоящемъ въ непосредственной царской подсудности Но и при такомъ даже объясненіи, все таки немало мѣста остается для нашего удивленія: непосредственная царская подсудность распространяется столь широко, что захватываетъ даже дѣла духовныя, не смотря на то, что въ несудимыхъ и другихъ грамотахъ того времени дѣла духовныя обыкновенно выдѣляются заботливо изъ круга предметовъ, вѣдаемыхъ органами свѣтской власти. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ въ Бѣлозерскій Горицкій дѣвичій монастырь ста-

[1] Продолж. Древн. росс. вивліоѳ. т XVI, стр 424.

[2] А Истор. т. № 54. Сравн. т. I, № 212.

рицу, княгиню Елену Масальскую, при чемъ поручилъ игуменьѣ отдать ее подъ начало доброй и крѣпкой духовной старицѣ, которая бы ее привела къ спасенію, да и въ церковь бы ей велѣла ходить ежедневно, чтобы она, зря на прелесть мірскую, не отпала надеждою къ Богу.[1] До того же царя дошли слухи, что въ Соловецкомъ монастырѣ оскудѣло благочестіе, что братія житіе имѣютъ не по божественному уставу. Царь послалъ имъ грамоту съ строжайшимъ предписаніемъ соблюдать монастырскій уставъ, а ослушниковъ смирять по монастырскому преданію.[2] Случалось и такъ, что лицо было отправляемо на покаяніе по патріаршей грамотѣ, а возвращаемо было изъ монастыря по царской грамотѣ, какъ это было, напримѣръ, съ княземъ Хворостининымъ.[3] При такомъ отношеніи высшей свѣтской власти къ вопросамъ церковной дисциплины, не удивительно, что и подчиненные свѣтскіе органы брались часто за такія дѣла, которыя имѣли отношеніе лишь къ церковной власти, соотвѣтственно тому, что̀ было выше замѣчено нами относительно церковныхъ властей, предпринимавшихъ иногда мѣры нецерковныя. Такъ, напримѣръ, въ 1684 г. одинъ воевода отписывается другому воеводѣ, что онъ велѣлъ взять по преступникѣ поручную запись и предписалъ ему ходить къ церкви Божіей по вся дни и на исповѣдь къ отцу духовному.[4]

Какая же общая мысль лежитъ въ основаніи всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ и свидѣтельствъ? Не задаваясь слишкомъ далекою для настоящаго изслѣдованія цѣлію — представить очеркъ отношеній между государствомъ и Церковію, мы можемъ, однако, опредѣлить въ общихъ чертахъ характеръ этихъ отношеній, на сколько это, по крайней мѣрѣ, нужно для разъясненія занимающаго насъ предмета. Представитель государственной власти считаетъ себя естественнымъ блюстителемъ чистоты вѣры православ-

[1] А. Эксп. т. III, № 104 —[2] Тамъ же т. Ш. № 331.
[3] Тамъ же т. Ш, №№ 147 и 149. —[4] Дополн. къ А. И. т. XI, № 39.

ной и христіанской нравственности. Онъ берется часто за вопросы, относящіеся до внутренней жизни Церкви, но все-таки положеніе, занятое имъ по отношенію къ церковной дисциплинѣ, не можетъ быть разматриваемо ни какъ узурпація, ни даже какъ вмѣшательство, въ ходячемъ смыслѣ этого слова. [1] Царя интересовали церковные вопросы по той причинѣ, что онъ *считалъ себя обязаннымъ предъ Богомъ* заботиться о торжествѣ православной Церкви и о процвѣтаніи христіанской нравственности. Въ разсматриваемую эпоху всякое преступное дѣйствіе, т. е., преступленіе вообще разсматривалось, какъ нарушеніе воли Божіей и заповѣди царской. Убійца, воръ и т. д. долженъ былъ считаться преступникомъ потому, что «забылъ страхъ Божій и заповѣдь царскую.» Но если, такимъ образомъ, государственный уголовный законъ высшаго освященія для своихъ карательныхъ мѣръ искалъ въ волѣ Божіей, то, съ другой стороны, весьма естественно было перейти и къ обратному выводу: правила Церкви запрещаютъ то или другое дѣяніе, слѣдовательно и царская власть должна воружиться противъ этого дѣянія. Этимъ соображеніемъ можно объяснить многое нетолько въ исторіи, но и въ дѣйствующемъ уголовномъ законодательствѣ нашемъ, которое, какъ извѣстно, преслѣдуетъ рядъ дѣяній, исключенныхъ другими кодексами изъ числа уголовныхъ преступленій. Взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе воли Божіей и царской заповѣди, какъ нельзя болѣе, благопріятствовалъ смѣшенію нравственныхъ и правовыхъ обязанностей, права и морали,—отъ этого смѣшенія, впрочемъ, еще не совсѣмъ отрѣшилось законодательство даже и въ настоящую минуту: всякое грѣховное дѣйствіе, преступное съ точки зрѣнія морали *eo ipso* становилось преступ-

[1] Сравн. Знаменскаго. Приходское духовенство на Руси до Петра великаго (Прав. обозр. 1866 г. февр. стр. 346): «свѣтская власть отовсюду проникала въ церковную сферу. Этому способствовало само духовенство, постоянно обращаясь къ ней за помощью и развивая ее въ нравственно-религіозномъ духѣ».

нымъ и юридически, потому что все противное волѣ Божіей противно также и волѣ государевой.

Итакъ, если цари и великіе князья подавали Церкви свою крѣпкую руку въ интересахъ православія и христіанской нравственности, то это происходило отъ того, что они, считая себя первыми сынами Церкви и, слѣдовательно, людьми, которымъ отъ Бога дано болѣе талантовъ, чѣмъ кому бы то ни было, вмѣняли себѣ въ непремѣнную нравственную обязанность санкціонировать своимъ авторитетомъ требованія Церкви, какъ этотъ именно путь представлялся всего болѣе цѣлесообразнымъ для выполненія евангельской заповѣди о благоразумномъ и вѣрномъ употребленіи ввѣренныхъ талантовъ, т. е., тѣхъ могущественныхъ средствъ, которыми можетъ располагать глава государства въ славу имени Божія.[1] Государю самому въ противномъ случаѣ грозилъ гнѣвъ Божій. Но если такъ, то очевидно, покровительственное вмѣшательство царей

---

[1] См. напр. А. И. т. V, № 75. Отцамъ, собравшимся на соборъ, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ говоритъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, «многіе неразумные человѣцы, оставльше святую Церковь, учинили въ домѣхъ своихъ мольбища и собрався чинятъ чюже христианству, а на святую Церковь износятъ страшныя хулы, чего по тонку и исписати невозможно». Соборъ отвѣчаетъ: «аще отцу твоему... патріархъ съ архіереями доносилъ объ этихъ развратникахъ, которые по многому архіерейскому ученію и прошенію упорно стояли въ своемъ упрямствѣ, и великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, *ревнуя по Господѣ Богѣ и обороняючи матерь свою св Церковь*, указалъ тѣхъ враговъ отсылать ко градскому суду». И въ настоящій разъ патріархъ Іоакимъ со всѣмъ соборомъ проситъ царя Ѳедора Алексѣевича отсылать ихъ ко градскому же суду, и по своему государеву разсмотрѣнію, кто чего достоинъ, указъ чинить, и о томъ воеводамъ и приказнымъ людемъ, въ городы и въ селы, которые нынѣ есть на воеводствахъ, послать грамоты, а впредь всѣмъ воеводамъ и приказнымъ писать наказы, *чтобъ то дѣло было подъ его государевымъ страхомъ въ твердости*, и т. д Сравн. также А. И. т. I, № 161. Здѣсь подобная же мысль высказана гораздо ранѣе Иваномъ IV-мъ, по поводу вызова Максима Грека на соборъ «Тѣмъ же убо умыслихъ сице», пишетъ царь Максиму, «да соберутся вси, елицы сущіи обрѣтаются подъ областію моею архіепископи и епископи, архимандриты и игумены и черноризцы.... *яко истрѣгнутъ тръніе сіе изъ чистыя пшеницы* и будутъ поспѣшницы святымъ вселенскимъ седьми соборамъ». Эта же самая мысль проходитъ черезъ всѣ вопросы царя Ивана IV, предложенные Стоглавому собору.

и князей разсматривалось этими послѣдними скорѣе съ точки зрѣнія обязанности, чѣмъ права. [1]

Изложенныя нами воззрѣнія на характеръ отношеній государственной власти къ Церкви вообще и къ вопросамъ церковной дисциплины въ особенности приняты цѣликомъ и въ знаменитое уложеніе 1649 года. Всего лучше видно это изъ 10-й статьи главы XV о крестномъ цѣлованіи. Первое, что̀ невольно бросается въ глаза, при чтеніи этой статьи,—это ссылка законодателя на правила св. отецъ и въ особенности Василія великаго: «а въ правилѣхъ св. отецъ про крестное цѣлованіе написано и т. д.»... Уже этой одной ссылки достаточно для того, чтобы опредѣлить ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ законодатель на разрѣшаемый имъ вопросъ. И дѣйствительно, изъ содержанія 10-й статьи, можно убѣдиться, что уложеніе разсуждаетъ о предметахъ церковной дисциплины тѣмъ же тономъ и тѣмъ же языкомъ, какой мы видѣли въ приведенныхъ выше свидѣтельствахъ изъ актовъ XV—XVII в.

---

[1] Въ древнихъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и такого рода факты, что духовная власть настаивала на томъ, чтобы царь назначалъ за извѣстныя преступленія наказаніе по градскимъ законамъ въ виду того, что церковная (анаѳема) была слишкомъ ужасною казнію для виновныхъ. Такъ клятва на соборѣ 1681 года царю Ѳедору Алексѣевичу было предложено, «чтобы Великій государь указалъ оставить церковныя казни, клятвы на люди не налагать и вѣчно смертію ихъ не убивать (замѣтить надобно, что рѣчь здѣсь идетъ не о всѣхъ преступленіяхъ, а только о клятвопреступленіи); чтобъ великій государь изволилъ тѣмъ людемъ наложить свой государевъ указъ, прещеніе и страхъ по градскимъ законамъ, кто чего за какую вину достоинъ. Или, напримѣръ, такого рода случай: воевода распоряжается отсылкою одного старца въ монастырь, для учиненія ему тамъ монастырскаго поученія. Строитель монастыря пишетъ съ своей стороны челобитную на царское имя: «у насъ-де богомольцевъ вашихъ мѣсто бѣдное, и поучить его за его воровство некому и нельзя. милосердые государи, велите его наказать градскимъ наказаніемъ, чего онъ по винѣ своей, противъ вашего великихъ государей указу, достоинъ. «Дополн. А. И. т. XI, № 11. Сравн. также А. И. т. I, № 59. Митрополитъ Іона пишетъ черейскому князю слѣдующее: «а тебя, своего сына, благословляю и молю, чтобы еси отъ тыхъ своихъ горожанъ оборонилъ, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце, чтобы того не было впрокъ; а не оборонишь мене ты, мой сынъ, и ты побережися воздаянья отъ Бога, и азъ буду ся отъ нихъ боронить закономъ Божимъ».

Мы говоримъ: уложеніе разсуждаетъ о предметахъ церковной дисциплины,—и говоримъ не совсѣмъ точно. Постановленіе 10 й ст. XV гл. *съ нашей точки зрѣнія*, правда, относится прямо къ церковной дисциплинѣ; но съ точки зрѣнія уложенія 1649 года это есть столько же вопросъ церковной дисциплины, какъ и государственнаго порядка. «А будетъ вельможа крестъ поцѣлуетъ», говорится въ 10-й статьѣ, «или велитъ кому иному крестъ поцѣловати на кривѣ, и таковыхъ священникомъ въ церковь Божію не пущати, и въ домы ихъ не приходити, и божественнаго пѣнія въ домахъ у нихъ не пѣти. А будетъ попъ учнетъ въ чьемъ нибудь дому божественное пѣніе пѣти, а такіе ротники, которые учинили крестное цѣлованіе на кривѣ, тутъ же будутъ, и ихъ изъ тоя храмины вонъ высылати» Наконецъ, нельзя не привести заключительныхъ словъ той же статьи: «и того ради подобаетъ отцомъ духовнымъ дѣтей своихъ поучати и наказовати страху Божію, и чтобы промежи себя и въ сосѣдствѣ жили любовно, не крали и не разбивали, и не ябедничали, и чужаго не восхищали, и сами не обидѣли, — и скверными рѣчьми не укорялися, и на кривѣ бы креста не цѣловали, и именемъ Божіимъ во лжу не ротилися и не клялися, за неже православнымъ христіаномъ крестное цѣлованіе ротою и на кривѣ въ конецъ отречено бысть священными правилы, но вданъ отъ Христа христіанамъ крестъ на освященіе и просвѣщеніе». Рѣшительно тотъ же самый языкъ, тотъ же тонъ, тѣ же идеи, что и въ граматахъ XV и XVI вѣковъ! [1] Законодатель считаетъ своимъ долгомъ охранять чистоту богослуженія не только общественнаго, но и домашняго; онъ рекомендуетъ отцамъ духовнымъ поучать дѣтей своихъ страху Божію, и наряду съ этимъ, чисто моральнымъ, наставленіемъ ставитъ воздержаніе отъ кражи и грабежа;

---

[1] Въ главѣ XV статьи 10-й уложенія даже буквально воспроизводятся многія мѣста изъ 37 главы Стоглавѣго собора.

въ заключеніе онъ даже становится въ роль проповѣдника, объясняющаго слушателямъ высокое значеніе креста.

Далѣе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ уложенія, а именно въ XX и XXII главахъ, указываются случаи отсылки виновныхъ къ патріарху, или къ митрополиту, или къ иной духовной власти причемъ эти послѣдніе чинятъ указъ по правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ. Случаевъ этихъ два: беззаконное сожительство съ рабою и вынужденное насильствомъ или обманомъ отпаденіе русскаго человѣка въ басурманскую вѣру. Постановленія, касающіяся двухъ указанныхъ преступленій, замѣчательны въ томъ отношеніи, что въ нихъ нужно видѣть прототипъ цѣлаго ряда статей въ современномъ законодательствѣ русскомъ, гдѣ законодатель не полагаетъ своей собственной санкціи, а ограничивается лишь отсылкою къ духовному суду и подтвержденіемъ, чтобы съ виновнымъ было поступлено по правиламъ церковнымъ.

Спрашивается, какъ смотрѣть на эти два случая? Разсматривать ли ихъ, какъ единственные случаи, когда, по мнѣнію законодателя, требовалось чинить указъ по правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ? Но уже поверхностнаго знакомства съ актами XV—XVII вѣковъ достаточно для того, чтобы воздержаться отъ подобнаго взгляда. Извѣстно, что духовнымъ властямъ еще со временъ Владиміра святаго и Ярослава предоставлено немало дѣлъ; далѣе, что уставы Владиміра и Ярослава были подтверждены[1] Василіемъ Дмитріевичемъ; и что, затѣмъ, содержаніе компетенціи церковныхъ судовъ не подвергалось въ исторіи значительнымъ измѣненіямъ вплоть до самой эпохи Петра великаго.[2] Нужно думать, такимъ образомъ, что приводимые уложеніемъ два случая отсылки къ духовному суду должны быть разсматриваемы, какъ отрывочные,

[1] Полн. собр. Р. Лѣт. т. VI (Соф. I лѣтоп.) въ прибавл.

[2] Въ одномъ документѣ XVII вѣка исчисляются дѣла, вѣдаемыя патріархомъ; здѣсь мы встрѣчаемъ наприм. прелюбодѣяніе, непослушаніе дѣтей ро-

взятые, такъ сказать, на удачу факты изъ цѣлой массы однородныхъ случаевъ.

Можно спросить: какая же нужда была законодателю дѣлать спеціальную оговорку относительно двухъ отдѣльныхъ фактовъ, когда факты эти, очевидно, не могли въ глазахъ его имѣть исчерпывающаго значенія?

Не рѣшаясь дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы можемъ выставить лишь нѣсколько соображеній, которыми можно объяснить съ большею или меньшею вѣроятностію указаніе въ уголовномъ законѣ на нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ отсылки къ церковному суду. Мы уже говорили, что, при смѣшеніи юридическихъ и нравственныхъ обязанностей, права и морали, свѣтская власть часто включала извѣстныя безнравственныя дѣянія въ кругъ преступленій, караемыхъ государственными законами. Очень неудивительно, что, при такомъ направленіи въ законодательствѣ вообще, подчиненные органы свѣтскаго правосудія обнаруживали стремленіе принимать къ своему разсмотрѣнію такія дѣла, которыя, даже при полномъ смѣшеніи права и морали, все таки, на взглядъ даже самой государственной власти, всего лучше могли быть кончаемы духовными судами. Такимъ образомъ уложеніе спеціальною оговоркою нѣсколькихъ случаевъ отсылки къ духовному суду желало дать руководство свѣтскимъ судамъ въ томъ смыслѣ, чтобы тѣ не мѣшались не въ свое дѣло. Почему такой именно, а не другой какой либо случай оговоренъ въ законѣ, это уже объясняется требованіями практичекой жизни. Практическая жизнь указывала на тотъ,

---

дителямъ, непослушаніе пасомыхъ отцамъ духовнымъ, дѣла по жалобамъ рабовъ на господъ въ блудодѣяніи и иныхъ насиліяхъ, о беззаконно прижитыхъ дѣтяхъ, о бракахъ въ родствѣ, въ сватовствѣ, въ крестномъ братствѣ, въ кумовствѣ и т. д. А. Эксп. т. IV, № 155. Сравн. Неволина: «О пространствѣ въ Россіи церковнаго суда до Петра великаго». П. Собр соч т. VI, стр. 377: «уставъ Владимира даже до Петра великаго постоянно служилъ нормою для опредѣленія пространства церковнаго суда».

или другой случай—и случай этотъ заносился въ кодексъ. Такъ именно нужно объяснить прежде всего существованіе въ уложеніи 1649 года спеціальной статьи о незаконномъ сожительствѣ съ рабою. При чрезвычайномъ усиленіи крѣпостнаго права въ ту эпоху, очень неудивительно, что подобные факты встрѣчались на практикѣ особенно часто.[1] Что же касается втораго случая отсылки къ духовному суду, то статья уложенія о вынужденномъ отступничествѣ въ басурманскую вѣру есть нечто иное, какъ буквальное воспроизведеніе одной изъ новоуказныхъ статей о убійственныхъ дѣлахъ».[2] Очевидно, что и эта статья вызвана въ свое время практическою жизнію, и затѣмъ, какъ нѣчто готовое, внесена въ уложеніе 1649 года.

Говоря о постановленіяхъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, относящихся къ предмету нашего разсужденія, слѣдуетъ въ заключеніе упомянуть еще о замѣчательной во многихъ отношеніяхъ 3-ей ст. главы XXV. На основаніи ея, отецъ и мать за дѣтоубійство подвергаются тюремному заключенію на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, повелѣвается «имъ приходити къ церкви Божіей, объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ». Постановленіе это, очевидно, носитъ исключительный характеръ, т. е., оно разсчитано на одинъ лишь спеціальный, точно опредѣлен-

[1] Въ актахъ того времени мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, много указаній на злоупотребленія помѣщичьимъ правомъ. См. напр. А. Эксп. т. III, № 177 (1628 г.), гдѣ идетъ рѣчь о боярскомъ сынѣ Нехорошкѣ Семичовѣ, посланномъ по патріаршему указу въ монастырь подъ начало, «за его великое воровство и за беззаконное блудное дѣло, что онъ воровалъ, съ рабами своими съ дѣвками многажды блудилъ и прижилъ съ ними семеро робятъ, а тѣ дѣвки межъ себя двоюродныя сестры». Чрезъ непродолжительное время въ тотъ же самый монастырь присылается, въ силу новаго патріаршаго указа, стольникъ Калачовъ за то, что «прижилъ съ женкою беззаконствомъ трое робятъ». Ibid. № 198. Виновные, обыкновенно, были закомуживаемы въ желѣза и содержимы въ монастырской хлѣбнѣ, гдѣ имъ велѣно было сѣять муку на братью, выгребать изъ печи пепелъ и всякую монастырскую черную работу работать.

[2] Калачовъ. О знач. Кормч. кн. въ сист. древн. русск. права, въ приложеніяхъ, стр. 9. Москва. 1850 года.

ный, случай, и, слѣдовательно, не можетъ быть разсматриваемо съ той же точки зрѣнія, какъ и два вышеприведенныя постановленія.

Если мы попытаемся теперь, по возможности, представить вкороткѣ сущность всего вышесказаннаго, то въ итогѣ получимъ слѣдующее: до Петра великаго власть государственная выходила изъ сознанія своей обязанности подавать Церкви покровительственную руку, всякій разъ какъ дѣло шло о поддержаніи ея интересовъ. Въ силу этой, живо сознаваемой царями, моральной обязанности, они не могли относиться безучастно къ вопросамъ церковной дисциплины. Мѣры, предпринимаемыя ими въ этой области, разнообразны. По отношенію къ лицамъ, нарушающимъ покой Церкви различными лжеученіями, царская власть всегда выступала во всеоружіи карательныхъ мѣръ, осуждая еретиковъ на смертную казнь, на заточеніе, на разныя членовредительныя наказанія. По отношенію къ нарушенію церковныхъ заповѣдей, т. е., къ преступникамъ противъ нравственнаго закона, государственная власть опять поступала различно: или, вопервыхъ, включая извѣстное безнравственное дѣйствіе въ рядъ дѣяній, караемыхъ государственными законами, она подвергала виновныхъ батогамъ и другимъ свѣтскимъ наказаніямъ,—«градскимъ казнямъ», выражаясь языкомъ того времени; или, во вторыхъ, не полагая собственной санкціи, но все таки, для большей внушительности, помѣщая извѣстное дѣйствіе въ рядъ дѣяній, воспрещаемыхъ уголовнымъ закономъ, отсылала виновныхъ къ суду духовной власти, для учиненія съ ними указа по правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ; или наконецъ, въ третьихъ, не отсылая къ духовному суду, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ духовною властію, сама распоряжалась отсылкою виновныхъ въ монастыри. Монастырскому заключенію можно было подвергнуться какъ по распоряженію духовной власти, такъ и въ силу царскаго приказа. Какихъ либо точныхъ

опредѣленій относительно того, когда должна дѣйствовать одна власть, когда другая, не существовало, какъ равно не существовало никакихъ правилъ и относительно того, нужно ли смотрѣть на государя, какъ на заключительную въ порядкѣ постепености инстанцію, или можно къ нему обратиться прямо, обходя нетолько ближайшую, но и всякую церковную власть. Подобные вопросы разрѣшались не въ силу какого либо общаго начала, а просто-на-просто въ силу субъективнаго усмотрѣнія даннаго лица, или въ силу фактическихъ обстоятельствъ конкретнаго случая. При этомъ, само собою разумѣется, должны были играть немаловажную роль и личныя благочестивыя движенія души того или другаго князя или царя. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ отношеніяхъ государственной власти къ церковной въ царскій періодъ русской исторіи обнаруживалась полнѣйшая патріархальность на чисто моральной подкладкѣ.

Что касается вопроса, составляющаго предметъ нашего изслѣдованія въ особенности, то для насъ важно знать, что забота о воспитаніи подданныхъ въ страхѣ Божіемъ и о спасеніи ихъ душъ входила въ кругъ государственныхъ задачъ съ самыхъ первыхъ временъ существованія русскаго государства. Церковнаго покаянія съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно является въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ, въ допетровскую эпоху еще не существовало. Большее вліяніе на дальнѣйшее развитіе и даже на окончательное, такъ сказать, сформированіе законодательнаго взгляда на занимающій насъ вопросъ имѣло законодательство Петра великаго.

Въ эпоху Петра великаго появляются въ русскомъ законодательствѣ нѣкоторыя новыя идеи, незнакомыя дотолѣ русскому міросозерцанію. Новымъ духомъ повѣяло какъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни вообще, такъ и въ области отношеній между государствомъ и Церковію въ особенности. Близкія отношенія

къ Европѣ могли его достаточно познакомить съ теоріей и практикой современныхъ ему протестантскихъ нѣмецкихъ и другихъ государствъ и съ ходившими въ то время на западѣ ученіями о значеніи государя (princeps, Landesherr) въ Церкви. Церковь представляется Петру не обществомъ людей съ особымъ, свойственнымъ ей, строемъ, особыми цѣлями и средствами, а вѣдомствомъ въ ряду другихъ государственныхъ вѣдомствъ; св. Синодъ, явившійся на смѣну патріархата, получаетъ характеръ государственнаго учрежденія, въ которомъ всѣ дѣла ведутся отъ имени императорскаго величества; церковныя установленія различнаго рода суть не болѣе, какъ отдѣльныя въ общей цѣпи государственныхъ установленій. Что касается въ особенности высшей правительственной власти русской помѣстной Церкви, то св. Синодъ, на основаніи духовнаго регламента, есть установленіе, посредствомъ котораго верховная самодержавная власть дѣйствуетъ въ управленіи церковными дѣлами православнаго исповѣданія. Это постановленіе духовнаго регламента внесено впослѣдствіи цѣликомъ въ основные законы.[1]

Едва ли можно отрицать, что воззрѣнія Петра на отношенія главы государства къ Церкви сложились подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ западноевропейскихъ протестантскихъ воззрѣній того времени; но, съ другой стороны, нельзя не видѣть и того обстоятельства, что Петръ пошелъ далѣе протестантской доктрины относительно jura majestatica circa sacra. Если въ царскій періодъ русской исторіи отношенія между государствомъ и Церковію характеризуются патріархальностію въ объясненномъ нами смыслѣ, то со времени Петра, напротивъ, Церковь становится частію государства, однимъ изъ вѣдомствъ въ ряду другихъ государственныхъ вѣдомствъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія, такъ какъ они повели бы насъ очень далеко отъ предмета нашего разсуж-

[1] Томъ I Св. Зак. стр. 43.

денія, мы ограничимся лишь указаніемъ на то, какъ долженъ былъ отразиться взглядъ Петра на Церковь на вопросѣ о церковномъ покаяніи. Ясно, что и Петръ не могъ смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на вещь, до него не касающуюся, какъ на вещь, спеціально относящуюся до Церкви и ея интересовъ; такого индифферентнаго отношенія къ вопросамъ церковной дисциплины не могло быть уже потому одному, что всѣ мѣры, предпринимаемыя тѣмъ или другимъ церковнымъ установленіемъ, въ концѣ концовъ исходили отъ имени императорскаго величества. Правда, на основаніи резолюцій на докладные пункты Синода 12 апрѣля 1722 года,[1] нѣкоторыя дѣла отведены въ исключительное вѣдѣніе Синода,—но на это отведеніе слѣдуетъ смотрѣть просто какъ на опредѣленіе синодской компетенціи, въ виду разграниченія ея отъ компетенцій другихъ государственныхъ установленій, все равно какъ если-бы отводились извѣстные предметы въ вѣдѣніе юстицъ- или бергъ-коллегіи и т. п. По поводу сомнѣнія относительно компетенціи въ конкретномъ случаѣ возбуждался не вопросъ о томъ, Церковь или государство должны обсудить этотъ случай, а вопросъ, или, лучше сказать, пререканіе о подсудности между различными установленіями въ строѣ государственномъ. Взгляды Петра въ этомъ отношеніи представляютъ отголосокъ тѣхъ воззрѣній, которыя въ XVIII столѣтіи проводились настойчиво въ наукахъ и въ жизни западноевропейской: мы разумѣемъ здѣсь знаменитую теорію полицейскаго государства (Polizeistaat),[2] въ силу которой всѣ стороны народной жизни и всѣ про-

[1] I Полн. Собр. Зак. № 3963.

[2] Возникновеніе и развитіе этой теоріи стоитъ, въ свою очередь, въ ближайшей связи съ протестантскими воззрѣніями. Что Петру великому не могли оставаться неизвѣстными эти воззрѣнія, это доказывается уже тѣмъ однимъ, что онъ хорошо знакомъ былъ съ шведскимъ государственнымъ строемъ, который для Петра служилъ образцомъ, и который въ это время представлялъ чистое воплощеніе началъ абсолютизма, недопускающаго самобытнаго существованія Церкви, въ качествѣ особаго организма.

явленія человѣческаго духа, въ томъ числѣ религія и Церковь, имѣли лишь подчиненное значеніе средствъ для достиженія государственныхъ цѣлей (то, что впослѣдствіи было названо іозефинизмомъ).[1] Мы еще разъ воспользуемся параллелью между царскимъ и императорскимъ періодами, для того, чтобы точнѣе обозначить положеніе, принятое главою государства въ отношеніи къ вопросамъ церковной дисциплины. Если покровительственное вмѣшательство во внутреннія стороны церковной жизни разсматривалось царями скорѣе съ точки зрѣнія моральной обязанности, чѣмъ права; то, наоборотъ, Петръ смотрѣлъ на подобную интервенцію, какъ на естественное право—главы государства, пожалуй какъ на jus majestaticum, въ противоположность моральнымъ мотивамъ. Въ духовномъ регламентѣ онъ даетъ весьма подробныя правила относительно анаѳемы и отлученія малаго. Тутъ исчисляются и самыя вины, за которыя христіанинъ можетъ быть подвергнутъ означеннымъ церковнымъ наказаніямъ; здѣсь рисуется и самая процедура положенія того и другаго наказанія; здѣсь же, наконецъ, означаются и тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою фактъ церковнаго наказанія для гражданскаго положенія лица наказаннаго. Весьма любопытна при этомъ аналогія, котораго духовный регламентъ объясняетъ взаимное отношеніе между анаѳемой и отлученіемъ малымъ: «человѣкъ, подвергутый церковной анаѳемѣ», по словамъ регламента, «подобенъ есть убіенному, а подвергнутый отлученію малому подобенъ есть за арестъ взятому». Далѣе въ резолюціяхъ на докладные пункты Синода 12 апрѣля 1722 года

[1] Die Religion ist das wirksamste Mittel den Sittlichen Zustand auszubilden. Die weltliche Gesetzgebung wurde in manchen Stucken undzureichend sein, wenn das Band der Religion und ihre Strafen ihr nicht die Hande böten: daher sie in der Policei nicht als Endzweck, sondern als ein Mittel nicht aus den Augen gelassen werden kann». Въ такихъ выраженіяхъ характеризуется сущность іозефинизма у Friedberg'a: Die Granzen zwischen Staat und Kirche. Tubingen 1872 г. Abth. 1. стр. 157.

содержится общее постановленіе, что анаѳематствованный черезъ шесть недѣль со дня публикаціи анаѳемы «никуды къ дѣламъ и компаніи не допускается, какъ о шельмованныхъ указъ повелѣваетъ (ibidem). Чрезвычайно интересно для характеристики взглядовъ Петра на церковныя дѣла письмо его къ митрополиту Стефану Яворскому. Находя клятву, отбираемую у архіереевъ при ихъ хиротоніи, недостаточною, онъ самъ составляетъ новую форму клятвы, которую и препровождаетъ при письмѣ къ Стефану Яворскому, первенствующему члену св. Синода.[1] Въ этой формулѣ есть довольно замѣчательные пункты. Напримѣръ епископъ долженъ былъ дать слѣдующія обѣщанія: «1) обѣщаюся, еже кого либо по моей страстной волѣ, или какихъ ради ссоръ со мною, или съ моими подчиненными, вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать; 2) съ сопротивными Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостно поступать по апостолу Павлу (2 Тим. 2, 24), яко *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти;* 3) паки обѣщаваюся врученную мнѣ нынѣ паству всю на всякое лѣто, аще возможно будетъ, по крайней же мѣрѣ, въ два или въ три года, самому по обычаю апостолъ посѣщать и назирать... учить и запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, дабы невѣдомыхъ и отъ Церкви несвидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали; притворныхъ, бѣснующихъ, въ калтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать, и прочихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали; дабы святыхъ иконъ не боготворили, и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего противнымъ способъ подается къ поношенію на право-

[1] Описаніе дѣлъ и докум., хран. въ архив. св. Синода, прилож. I. письмо 13.

славныхъ, но почитали бы оныя по разуму св. православныя, каѳолическія Церкви».[1]

Начиная со времени Петра великаго инициатива по дѣламъ о наказаніи церковною анаѳемою фактически начинаетъ исходить отъ государственной власти,—говоримъ *фактически*, потому-что съ теоретической стороны право церковной власти на провозглашеніе анаѳемы тамъ, гдѣ она находила бы это нужнымъ, неподвергаемо было сомнѣнію, что̀ доказывается содержаніемъ духовнаго регламента. И замѣчательно, что, со времени Петра, анаѳемѣ подвергается только одинъ разрядъ лицъ, именно политическіе преступники, при чемъ нерѣдко дѣлается попытка мотивировать эту мѣру соображеніями религіозными и нравственными, съ точки зрѣнія самой Церкви и церковной дисциплины. Сказанное можно подтвердить письмомъ Петра къ тому же митрополиту Стефану Яворскому, по поводу проклятія Мазепы. «Понеже паче всякаго чаянія», пишетъ Петръ, «Мазепа вторый Іюда нравомъ и образомъ, паче же дѣйствомъ явился и, оставя православіе, къ еретикамъ—шведамъ ушелъ, обманя три персоны старшинъ же, и вмѣсто защищенія такожь какъ великій строитель былъ св. церквамъ нынѣ проклятый гонитель онымъ учинился (понеже недалеко отъ Новагородка шведы въ одной церкви лошадей поставили), о чемъ сей народъ, отъ сего Іюды зѣло притѣсненный, всегда плакалъ, а наипаче нынѣ, того ради извольте онаго за такое ево дѣло публично въ соборной церкви проклятію предать».[2]

Говоря объ идеяхъ, проложившихъ себѣ дорогу въ русское законодательство въ эпоху Петра великаго, нельзя

---

[1] Самое письмо великаго Петра къ митрополиту читается такъ: «честнѣйшій отче! понеже архіереи хотя по положенному обѣщанію и обѣщаютца хранить церковные уставы вкупѣ, но ради нѣкоторыхъ у насъ небрегомыхъ дѣлъ изъясненіе особливое написавъ, при семъ посылаю, которое велите присовокупить къ настоящему». Ibid.

[2] Тамъ же, приложеніе 1.

не остановиться на воинскомъ уставѣ. Здѣсь, въ ряду другихъ карательныхъ мѣръ различнаго рода упоминается часто публичное церковное покаяніе. Церковное покаяніе съ характеромъ публичности восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ существованія христіанской Церкви вообще. Уже въ III вѣкѣ опредѣлилась точно въ церковной практикѣ покаянная система, съ прохожденіемъ кающимися четырехъ послѣдовательныхъ покаянныхъ степеней. По крайней мѣрѣ, въ правилахъ св. Григорія неокесарійскаго уже ясно различаются слѣдующія четыре степени покаянія: плачъ (fletus, πρόκλαυσις), слушаніе (auditio, ἀκρόασις), припаденіе (substratio, genuflexio, ὑπόπτωσις) и стояніе вмѣстѣ съ вѣрными (consistentia, σύστασις). Плачъ имѣлъ мѣсто внѣ вратъ молитвеннаго храма, гдѣ согрѣшившій долженъ былъ стоять и просить входящихъ вѣрующихъ, дабы они помолились за него. Мѣсто для слушанія было внутри вратъ, въ притворѣ, гдѣ грѣшникъ долженъ былъ стоять до моленія объ оглашенныхъ, и затѣмъ исходить. Степень припаданія состояла въ томъ, что кающійся стоялъ внутри вратъ храма и исходилъ вмѣстѣ съ оглашенными. Наконецъ, купностоящими назывались тѣ кающіеся, которые стояли вмѣстѣ съ вѣрными и не исходили съ оглашенными.[1] И въ Россіи, въ особенности мѣра эта практиковалась со стороны церковной власти довольно часто.

Въ одномъ изъ первыхъ законодательныхъ памятниковъ, получившихъ доступъ въ русскую Церковь,—въ извѣстномъ «Законѣ судномъ людемъ царя Константина», каковой законъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ попыткою примѣнить начала византійскаго законодательства къ быту новообращенныхъ славянскихъ народовъ, — въ этомъ памятникѣ весьма часто открытое церковное покаяніе, съ прохожденіемъ степеней, является въ замѣну греческихъ

[1] Григор. неокесар., пр. 12.

членовредительныхъ и другихъ наказаній, хотя и въ самомъ обрядѣ прохожденія степеней замѣтна нѣкоторая передѣлка.[1] Можетъ быть, постановленія закона суднаго и не имѣли большаго значенія въ церковносудебной практики въ первыя времена существованія христіанской Церкви на Руси, при господствѣ денежной системы наказаній, освященной уставами нашихъ первыхъ князей. Но все таки безспорно, что открытое церковное покаяніе находило частое примѣненіе въ жизни. Примѣры этого примѣненія мы находимъ даже въ 16 и 17 вѣкахъ. Таковы, напримѣръ, соборныя опредѣленія, состоявшіяся надъ Висковатымъ, надъ Симеономъ Медвѣдевымъ и другими. Извѣстно даже, что надъ самимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, по поводу его четвертаго брака, состоялось соборное опредѣленіе, въ силу котораго онъ долженъ былъ подвергнуться открытому церковному покаянію.[2]

Воинскій уставъ Петра великаго назначаетъ также во многихъ случаяхъ публичное церковное покаяніе, но эта древняя церковная дисциплинарная мѣра явилась здѣсь съ существено видоизмѣненнымъ характеромъ. Во первыхъ, древнее открытое церковное покаяніе состояло въ послѣдовательномъ прохожденіи, какъ мы видѣли, извѣстныхъ покаянныхъ степеней. Такъ, напримѣръ, покаяніе Грознаго должно было состоять въ слѣдующемъ: «въ церковь не входити до Пасхи, а на Пасху царю государю въ церковь войти, и въ томъ его, государя, духовнику его разрѣшити, къ дорѣ ему, государю, къ меньшей идти и пасху ему вкушати для свѣтлаго Христова воскресенія,

---

[1] Напримѣръ, за блудодѣяніе съ рабою назначается покаяніе въ слѣдующемъ видѣ: два лѣта стоять внѣ храма Божія во время литургіи, два лѣта входити въ церковь до святаго евангелія, а другія два лѣта до «вѣрую во единаго», седьмое лѣто всю литургію стояти и не взимати отъ священника ничтоже.

[2] А. И. т. 1. № 284. см. тамъ же А. И. т. V. № 194. Дополн. къ А. И. т. I, № 32; А. И. т. 1 № 238.

потомъ мѣсто съ припадающими, и какъ пройдетъ то лѣто, и въ томъ его, государя, на Пасху духовнику разрѣшити, и къ дорѣ ему къ большей и меньшей ходити; потомъ лѣто едино съ вѣрными да стоитъ, и какъ пройдетъ то лѣто, и въ томъ его, государя, на Пасху духовнику его разрѣшити и Божественныхъ таинъ царю-государю причаститися».

Между тѣмъ воинскій уставъ не связываетъ публичнаго покаянія съ прохожденіемъ такихъ или другихъ покаянныхъ степеней. Хотя изъ самаго содержанія воинскаго устава и не видно ясно, что̀ онъ понимаетъ подъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ, но достаточно уже того одного соображенія, что воинскій уставъ цѣликомъ заимствованъ изъ протестантской Германіи, чтобы убѣдиться, что назначаемое имъ церковное покаяніе не есть древняя церковная дисциплинарная мѣра, такъ какъ въ германскихъ государствахъ того времени публичное церковное покаяніе не имѣло характера постепенности. Независимо отъ этого общаго соображенія нѣкоторыя отдѣльныя выраженія воинскаго устава, напримѣръ: «нарушитель имѣетъ Господу Богу явное покаяніе при собраніи людей принести» и друг., не оставляютъ никакого мѣста сомнѣнію, что уставъ понимаетъ покаяніе именно въ протестантскомъ смыслѣ.

Покаяніе въ протестантскихъ общинахъ въ томъ и состояло, что виновный долженъ былъ публично, при всемъ собраніи вѣрующихъ, исповѣдать свой грѣхъ, послѣ чего онъ въ теченіе извѣстнаго времени долженъ былъ занимать въ храмѣ особое мѣсто: протестантское публичное покаяніе получило характеръ внѣшней, формальной позорящей мѣры, отъ которой притомъ можно было откупиться уплатою должнаго штрафа.[1]

---

[1] О протестантскомъ публичномъ церковномъ покаяніи см. *Böhmer'a:* Jus ecclesiasticum protestantium, lib. V, tit. XXXVIII, § 68. *Van Espen'a:* Jus ecclesiasticum universum. P. II, tit. VI, cap. 2, § 9. *Hauber'a:* Recht und Brauch der evangelisch-lutherischen Kirche p. 170. Stuttgart. 1854.

Затѣмъ, во вторыхъ, до Петра великаго открытое церковное покаяніе всегда исходило отъ церковной власти, при чемъ необходимымъ предположеніемъ этой мѣры служило дѣйствительное раскаяніе со стороны нарушителя церковныхъ правилъ. Если лицо, нарушивъ церковныя правила, не изъявляло расположенія къ раскаянію, въ такомъ случаѣ можно было поступать съ нимъ различно: можно было предать его анаѳемѣ, можно было, далѣе, подвергнуть его наказанію по градскимъ законамъ, т. е., по свѣтскому уголовному законодательству; можно было посадить его, наконецъ, на «чепь» или въ «смиреніе» въ какомъ либо монастырѣ, но немыслимо было подвергнуть его открытому церковному покаянію, которое въ томъ именно и состояло, что во внѣшнихъ дѣйствіяхъ обнаруживалось внутреннее покаянное настроеніе души кающагося грѣшника. Даже и та мѣра, о которой говорится въ «инструкціи патріарха Адріана старостамъ поповскимъ» (сто поклоновъ земныхъ послѣ литургіи ежедневно),[1] не совпадаетъ съ Петровскимъ церковнымъ покаяніемъ, потому что мѣра эта не составляла самостоятельнаго наказанія, а входила въ составъ того сложнаго наказанія, которое называлось монастырскимъ подначальствомъ,—это же послѣднее, въ свою очередь, никогда не смѣшивалось въ практикѣ съ открытымъ церковнымъ покаяніемъ. Отсутствіе раскаянія въ преступникѣ и открытое церковное покаяніе суть, безъ всякаго сомнѣнія, двѣ вещи, взаимно себя исключающія и логически, слѣдовательно, непримиримыя. Мы не желаемъ этимъ сказать,

---

[1] Правило изъ «инструкціи патріарха Адріана», которое мы имѣемъ здѣсь въ виду, предписывало, въ случаѣ блуднаго прижитія ребенка, спрашивать роженицу, съ кѣмъ она прижила, и виновнаго бить шелепами нещадно, сослать его затѣмъ, подъ началъ, въ монастырь на мѣсяцъ и въ монастырѣ ему быть между церковнаго пѣнія въ монастырскихъ трудѣхъ, а послѣ литургіи ежедневно по 100 поклоновъ класть земныхъ; также точно поступать и съ роженицей, по минованіи 40 дней.

чтобы и до Петра великаго судъ церковный поставлялъ наложеніе церковныхъ наказаній въ зависимости отъ доброй воли кающагося, но тамъ, по крайней мѣрѣ, самое покаяніе или епитимія не имѣли принудительнаго характера. Нововведеніе воинскаго устава въ томъ именно и состояло, что самому покаянію придается здѣсь значеніе формально-принудительной мѣры, наказанія въ собственномъ смыслѣ; покаяніе санкціонируется уголовнымъ законодательствомъ, при чемъ для законодателя остается совершенно безразличнымъ, чувствуетъ ли преступникъ раскаяніе въ совершенномъ имъ дѣяніи, или нѣтъ.

Вотъ тѣ черты, которыми, по нашему мнѣнію, публичное покаяніе воинскаго устава отличается отъ открытаго церковнаго покаянія въ допетровскомъ смыслѣ. [1]

Обращаясь къ отдѣльнымъ артикуламъ воинскаго устава, мы отмѣтимъ тѣ дѣянія, за которыя законодатель грозитъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ. На основаніи артикула I, «идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговариватель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, ежели онъ чародѣйствомъ своимъ никакого вреда не учинилъ, и обязательства съ сатаною никакого не имѣетъ», подвергается наказанію шпицрутенами и при этомъ публичному церковному покаянію. По 6 артикулу за легкомысленное богохуленіе, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ наказаніемъ виновный можетъ и публичное церковное покаяніе притомже учинить. По 7 артикулу за употребленіе имени Божія всуе нарушитель имѣетъ Господу Богу явное покаяніе при собраніи людей принести и притомъ половину своего мѣсячнаго жалованья въ шпиталь, вмѣсто наказа-

---

[1] Мы видѣли выше, что и Уложеніе 1649 г. назначало за дѣтоубійство тюремное заключеніе на годъ, и сверхъ того повелѣвало преступникамъ «приходити къ церкви Божіей объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ вслухъ». Но нельзя не видѣть, что это такая исключительная мѣра, которая не подходитъ ни подъ то, ни подъ другое понятіе публичнаго покаянія, а потому едва ли можетъ противорѣчить высказанному въ текстѣ мнѣнію.

нія, дать. Далѣе, публичному церковному покаянію, вмѣстѣ съ наказаніемъ по разсужденію судейскому, подвергаются ближніе свояки за учиненіе блуда въ побочной линіи[1] и за незаконное сожительство, сопровождавшееся прижитіемъ ребенка.[2] Замѣчательна статья 17 главы 3-й процесса воинскаго, гдѣ церковное покаяніе ставится на одну доску съ такими наказаніями, какъ тяжкій денежный штрафъ, отсѣченіе пальцевъ, изгнаніе изъ земли, отсылка въ каторгу. Вотъ полный текстъ этой статьи: «кто изъ свидѣтелей фальшивую учинитъ присягу и потомъ доказано будетъ, то оный отсѣченіемъ пальцевъ, которыми онъ присягалъ, публичныхъ покаяніемъ въ церкви, изгнаніемъ изъ земли, или посыланіемъ на каторгу наказанъ бываетъ и никогда болѣе свидѣтелемъ предстать не можетъ, ниже къ какому другому явному чину допущенъ будетъ; а кто свидѣтеля къ ложному свидѣтельству склонитъ, равнымъ образомъ либо денежнымъ тяжкимъ штрафомъ, или тѣлеснымъ наказаніемъ, или публичнымъ церковнымъ покаяніемъ накажется и въ свидѣтели болѣе допущенъ не будетъ».[3] Не трудно видѣть, что законодатель смотритъ на публичное церковное покаяніе какъ на одну изъ мѣръ чисто карательныхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ нравственнымъ исправленіемъ и раскаяніемъ преступника. Если еще изъ первой половины приведеннаго нами постановленія можно бы было заключить, что въ данномъ случаѣ преступникъ подвергается уголовному наказанію и независимо отъ этого послѣдняго также и церковному покаянію; то вторая половина, напротивъ, не оставляетъ никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что исчисленныя здѣсь наказанія угрожали именно альтернативно:

---

[1] Артик. 174.

[2] Артик. 176 и Морск. уст. кн. V ст. 22.

[3] Сравн. толков. на 98 арт.

или церковное покаяніе, *или* денежный штрафъ, *или* тѣлесное наказаніе.[1]

Наше вниманіе, наконецъ, обращаетъ еще одинъ артикулъ, а именно 171-й, который читается такъ: «кто при живой женѣ своей на другой бракомъ сочетается, и такъ двѣ жены разомъ имѣть будетъ, онаго судить церковнымъ правиломъ». Какъ понимать это выраженіе: «судить церковнымъ правиломъ?» Это значитъ, что уголовное законодательство не находило въ данномъ случаѣ возможнымъ примѣненіе уголовной кары, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находило нужнымъ упоминать и о публичномъ церковномъ покаяніи, которое установлено воинскимъ уставомъ; здѣсь, такимъ образомъ, предоставлялось на усмотрѣніе церковной власти предпринять ту или другую дисциплинарную мѣру по отношенію къ согрѣшившему.

Какія же мѣры находились въ распоряженіи церковной власти при Петрѣ великомъ?

Безспорно, что введенное свѣтскимъ церковнымъ законодательствомъ публичное церковное покаяніе могло быть практикуемо духовными судами и въ тѣхъ случаяхъ, которые не были предусмотрѣны воинскимъ уставомъ, какъ противные не только церковнымъ заповѣдямъ, но и государственному порядку; но съ другой стороны несомнѣнно и то, что духовная власть могла употребить и другаго рода мѣры, какъ напримѣръ, отлученіе. Это видно изъ духовнаго регламента, который, какъ уже указано было выше, постановилъ подробныя правила относительно наказанія анаѳемою и и отлученіемъ малымъ. При этомъ изъ самаго перечисленія регламентомъ винъ, за которыя полагались эти наказанія, можно усмотрѣть, что судъ по церковнымъ правиламъ могъ имѣть мѣсто не въ одномъ

[1] Церковное покаяніе по воинскому уставу полагается также за превышеніе предѣловъ необходимой обороны (толков. на артик. 157); за неосторожное убійство и убійство въ дракѣ (толков. на артик. 158).

лишь случаѣ двоеженства; въ регламентѣ упоминаются и другіе случаи, каковы напримѣръ: «когда кто», по выраженію регламента, «надолзѣ отъ церковнаго пѣнія удаляется, или кто явно изобидѣвъ, или обезчестивъ лицо честное, прощенія не проситъ», и т. д. Тоже самое подтверждается и практикой того времени, какъ это видно изъ изъ слѣдующаго случая. Князь Долгорукій приневоливалъ жену свою къ постриженію; отецъ принуждаемой Шереметьевъ просилъ св. Синодъ послать повсюду указы, чтобы ее нигдѣ не подстригали, а ей позволить до окончанія дѣла жить съ родителями. Долгорукій сталъ держать жену подъ крѣпкимъ карауломъ, не смотря на неоднократныя посылки изъ Синода объ отпускѣ книги. Св. Синодъ 13 марта 1722 года, въ Успенскомъ соборѣ чрезъ протодіакона сдѣлалъ воззваніе къ православнымъ христіанамъ, въ которомъ, сказавъ объ ослушаніи князя, молилъ ихъ «любовь» помолиться благоутробному Богу, да умягчитъ его жестокосердіе и да сердце чисто сотворитъ въ немъ и преклонитъ его къ покаянію, а окружающихъ князя просилъ увѣщавать его къ этому единолично и съ другими вмѣстѣ со всякимъ усердіемъ, и возвѣстить князю, что аще не исправленъ и презорливъ пребудетъ отъ сего дне до будущей недѣли ваій, то подпадетъ отлученію отъ Церкви. Но 14 марта Долгорукій явился и объявилъ, что онъ «св. Синоду не противенъ».[1] Такимъ образомъ, изъ представленнаго случая мы видимъ, что судъ по церковнымъ правиламъ былъ возможенъ не только въ случаѣ двоеженства, но и въ другихъ обстоятельствахъ.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ артикуловъ воинскаго устава Петра великаго приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Законодательство знаетъ рядъ случаевъ, гдѣ рука объ руку съ различными уголовными взысканіями опре-

---

[1] Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода. Т. I. Спб. 1868 г., № 514.

дѣляется публичное церковное покаяніе, которое при этомъ неминуемо должно было пріобрѣсти характеръ мѣры карательной, бывъ поставлено на ряду съ другими карательными мѣрами.

2) Не исключается возможность такихъ случаевъ, когда могъ имѣть мѣсто судъ по церковнымъ правиламъ, по собственной иниціативѣ церковныхъ властей.

3) Предоставляя послѣдняго рода случаи исключительному усмотрѣнію церковныхъ властей, и не стараясь исчерпать всю область возможныхъ нарушеній церковнаго порядка, уголовное законодательство выражало особенную заботливость относительно тѣхъ дѣяній, которыя, на его взглядъ, представлялись и преступленіями противъ государственнаго порядка, и нарушеніями церковныхъ заповѣдей. Законъ уголовный какъ будто опасался, что послѣдняго рода преступники, бывъ подвергнуты свѣтскимъ уголовнымъ наказаніямъ за свои преступленія, въ тоже время могутъ остаться свободными отъ церковнаго суда и, такъ сказать, въ долгу передъ Богомъ и предъ Церковію, — свободными потому, что церковные суды могли оставить въ покоѣ лицъ, уже понесшихъ заслуженное ими наказаніе по уголовнымъ законамъ отъ свѣтскаго правосудія. Такимъ образомъ, въ отношеніи ко всѣмъ преступленіямъ, которыя допускали примѣненіе какихъ либо уголовныхъ наказаній, государственное законодательство предоставило самому себѣ разрѣшеніе вопроса: не заключаютъ ли въ себѣ эти преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нарушенія церковныхъ правилъ, и не нуждается ли преступникъ въ очищеніи своей совѣсти предъ Богомъ и Церковію?

Взглядъ воинскаго устава на церковное покаянія имѣетъ для насъ большое значеніе, потому что, подъ вліяніемъ этого именно взгляда сложились, главнымъ образомъ, постановленія дѣйствующаго русскаго уголовнаго законодательства.

Въ заключеніе нашей статьи не безъинтереснымъ считаемъ указать, какой толчекъ данъ былъ законодательствомъ Петра великаго практикѣ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ судовъ, т. е., въ какомъ направленіи повліяло оно на ту и другую.

И прежде всего, — относительно практики свѣтскихъ уголовныхъ судовъ. Мы уже видѣли, что въ примѣненіи къ извѣстной категоріи преступленій, свѣтское законодательство взяло на себя разрѣшеніе вопроса объ умѣстности или неумѣстности церковнаго покаянія въ данномъ случаѣ. Въ практикѣ дѣло понято было именно такимъ образомъ, что церковные суды, при разсмотрѣніи дѣяній, заключающихъ въ себѣ противогосударственный и противоцерковный элементъ, распоряжаются примѣненіемъ какъ уголовнаго, такъ и церковнаго наказанія, не отсылая преступниковъ къ духовному начальству, для поступленія съ виновными по правиламъ церковнымъ, а назначая, по собственному усмотрѣнію, и *срокъ покаянія*.

Это направленіе въ практикѣ свѣтскихъ судовъ вызвало немногое число указовъ, въ которыхъ разъяснялась некомпетентность органовъ свѣтскаго правосудія для подобныхъ распоряженій. Таковъ указъ 1770 года, августа 23 дня. Сенатъ разъяснилъ, что исключительное право налагать епитиміи и наблюдать за исполненіемъ оныхъ принадлежитъ духовнымъ властямъ. Поводомъ послужило постановленіе одного присутственнаго мѣста, осудившаго двухъ человѣкъ за убійство на церковное покаяніе и наложившаго на нихъ, безъ сношенія съ «духовною командою», церковную трехмѣсячную епитимію, а для исполненія оной опредѣлившаго послать ихъ въ монастырь. Но «по правиламъ св. отецъ», говорится здѣсь, «убійство вольное съ невольнымъ различается, и таковымъ преступникамъ церковныя покаянія положены съ различіемъ винъ неравныя; въ воинскомъ же артикулѣ предписано только то, до какихъ именно погрѣшеній людей осуждать на

церковное покаяніе, а того, чтобъ и время исправленія епитиміи опредѣлять тѣмъ свѣтскимъ правительствамъ, отъ которыхъ оные осуждаются, нимало не упомянуто, слѣдовательно и предоставлено оное на усмотрѣніе духовныхъ правленій». [1]

Но, какъ видно, направленіе въ свѣтской уголовной практикѣ было настолько сильно, что указъ оказался недостигнувшимъ цѣли: тѣже самыя разъясненія находимъ въ указѣ 2 іюля 1780 года. Затѣмъ, тоже самое подтверждено указами 18 марта 1785 года [2] и 28 февраля 1801 года.[3]

Посмотримъ теперь, какъ сказались идеи воинскаго устава въ практикѣ духовныхъ судовъ. Было уже указано выше, что церковное покаяніе получило характеръ мѣры карательной: кается преступникъ въ своемъ дѣяніи, или нѣтъ; для законодателя это безразлично. Учинено преступленіе, фактъ существуетъ, и этотъ фактъ требуетъ возмездія, независимо отъ внутренняго расположенія души преступника. Этотъ взглядъ на церковное покаяніе укоренился и въ практикѣ духовносудебной. Развитію и усиленію его какъ нельзя болѣе благопріятствовало самое положеніе какъ высшей судебной власти духовнаго вѣдомства, т. е. св. Синода, такъ и подчиненныхъ ея органовъ въ общемъ строѣ государственномъ. Церковь получила характеръ вѣдомственный; св. Синодъ сталъ въ уровень съ сенатомъ;[4]

---

[1] Полн. собр. закон., № 13500.

[2] Тамъ же, № 16168.

[3] Тамъ же, № 18212.

[4] Синодъ, напримѣръ, спрашивалъ Императора, «какъ поступать ему съ знатными и сильными персонами, яко отъ общества народнаго изъятыми. Ежели которые изъ такихъ, говорится въ синодскомъ докладѣ, будутъ въ порученныхъ Синоду дѣлахъ требовать синодальнаго разсужденія, но, вступя въ дѣло, станутъ оное своимъ неприходомъ и прочимъ должнаго исполненіемъ продолжать и предлагаемое отъ Синода опредѣленіе, якобы несходное и неважное (мнѣчто высоко о себѣ имя), презирать и уничижать: какія тогда съ такими сильными лицы употреблять Синоду поступки и дѣйства?» На этотъ докладъ послѣдовала императорская резолюція: «противъ сената».

всѣ духовныя власти вообще называются *духовными командирами*, по аналогіи съ свѣтскими командирами,[1] одинъ и тотъ же общій духъ и однѣ и тѣ же общія начала выражаются въ дѣятельности всѣхъ этихъ командировъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ мѣръ, которыя практиковались по отношенію къ преступникамъ разнаго рода св. Синодомъ, архіереями и епархіальными консисторіями: тутъ найдемъ мы и наказаніе плетьми, и содержаніе въ цѣпи и въ оковахъ,—мало того, Синоду нерѣдко приходилось приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи, постановленные свѣтскимъ установленіями.[2] Для нашей цѣли интересно знать, какой видъ приняло въ это время церковное покаяніе, а для этого достаточно привести два-три факта изъ практики духовныхъ судовъ того времени. Напротивъ, что̀ можетъ быть проще, повидимому, той мысли, что богомоленіе и поклоны должны быть плодомъ внутренняго молитвеннаго настроенія? А между тѣмъ по-

---

Полн. Собр. закона № 3854. Или, напримѣръ, Синодъ спрашивалъ Императора, какъ поступать съ тѣмъ, «кто гордо презираетъ власть церковную, съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воню отъ себя издаетъ?» Резолюція Императора: «понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ какъ сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе». Полн. Собр. Зак. № 3963.

[1] Полн. Собр. Зак. № 12909. См. также приведенный выше указъ 1770 года (13500), въ которомъ рѣчь идетъ объ одномъ присутственномъ мѣстѣ, наложившемъ церковную трехмѣсячную епитимію, безъ сношенія съ *духовною командой*.

[2] Одинъ священникъ, приговоренный Преображенскою канцеляріею къ наказанію плетьми, препровожденъ изъ канцеляріи въ Синодъ какъ *для исполненія надъ нимъ приговора*, такъ и для того, чтобы св. Синодъ учинилъ указъ и по другому преступленію этого же священника, что онъ архіерейскій указъ называлъ воровскимъ. Синодъ опредѣлилъ исполнить надъ виновнымъ священникомъ приговоръ Преображенской канцеляріи въ тупской палатѣ, бить плетьми нещадно, и взявъ съ него сказку, дабы онъ того не чинилъ впередъ, отпустить домой. (Описаніе документ. хранящ. въ архивѣ св. Синода т. 1 № 272.) Много фактовъ подобнаго рода собрано въ книгѣ г. Знаменскаго: «о приходскомъ духовенствѣ въ Россіи со времени реформы великаго Петра». Казань. 1873 г.

клоны назначались «на страхъ другимъ»—отъ пятидесяти до ста въ сутки, въ теченіе недѣли или мѣсяца.[1] Не менѣе любопытенъ и другой примѣръ: для низшаго сословія продолженіе епитиміи иногда сокращалось *замѣною* слѣдующаго для епитиміи времени *тѣлеснымъ наказаніемъ*,[2] при чемъ самая обстановка, при которой приговоръ приводился въ исполненіе, могла получить особенно позорящій характеръ. Встрѣчаются напримѣръ резолюціи, подобныя слѣдующей: «*вмѣсто убавки духовной епитиміи*, на страхъ другимъ, наказать солдатку такую-то при собраніи другихъ тогожь полку солдатскихъ женъ плетьми.»[3] Нѣтъ, кажется, нужды дѣлать отсюда какіе либо выводы относительно той точки зрѣнія, съ которой самыя духовныя установленія, не говоря уже о свѣтскихъ уголовныхъ судахъ, смотрѣли на церковное покаяніе.

Для характеристики дальнѣйшаго хода въ исторіи изслѣдуемаго нами предмета до эпохи уложенія 1845 года, намъ остается еще указать въ немногихъ словахъ на два замѣчательныя явленія.

Во первыхъ, всѣ различныя формы обнаруженія наказующей власти Церкви,—какія встрѣчались доселѣ въ исторіи, начинаютъ мало по малу сводиться къ единственному наказанію, именно къ церковному покаянію, или епитиміи. Отлученіе отъ Церкви перестало практиковаться церковнымъ судомъ. Главную причину этого явленія нужно видѣть опять таки въ законодательствѣ Петра великаго. Самъ Петръ, правда, никогда не думалъ отрицать права Церкви на отлученіе недостойныхъ членовъ изъ ея среды; напротивъ, духовный регламентъ, написанный Феофаномъ Прокоповичемъ и одобренный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собственноручно исправленный Петромъ великимъ, содер-

[1] Исторія московскаго епархіальн. управленія (въ Чтен. въ москов общ. любителей духовн. просвѣщ.). Москва. 1870 кн. XI, стр. 154.

[2] Тамъ же стр. 156.

[3] Тамъ же стр. 78.

жалъ, какъ мы видѣли, подробныя и точныя опредѣленія касательно случаевъ наказанія отлученіемъ, процедуры и послѣдствій отлученія. Но дѣло въ томъ, что положенія духовнаго регламента относительно церковныхъ наказаній не могли надолго сохранить практическую силу, такъ какъ положенія эти, въ ихъ существѣ, стояли въ непримиримомъ принципіальномъ противорѣчіи съ тѣмъ вѣдомственнымъ характеромъ, который получила Церковь при Петрѣ великомъ. При такомъ характерѣ, рано ли поздно ли, но неизбѣжно должно было произойти указанное нами явленіе.

Во вторыхъ, въ практикѣ свѣтскихъ судовъ, а затѣмъ и духовныхъ, укоренилось воззрѣніе, что церковное покаяніе можетъ имѣть мѣсто лишь въ случаяхъ, опредѣленныхъ свѣтскимъ уголовнымъ законодательствомъ. Мы видѣли, что оба уголовные кодекса, т. е., какъ уложеніе царя Алексѣя Михайловича, такъ и воинскій уставъ Петра великаго, были чужды, сами по себѣ, этого воззрѣнія, — и если, однако, оно создалось, то создалось опять таки силою фактовъ. Сѣмена, посѣянныя мощною рукой Петра, продолжали приносить свой плодъ ...

Заканчивая нашу статью, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что, говоря о церковной дисциплинѣ, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, приложеніе этого вопроса ко всѣмъ членамъ Церкви, т. е., къ мірянамъ. Если, при всемъ томъ, отъ времени до времени указываемъ былъ тотъ или другой фактъ, имѣющій отношеніе къ духовнымъ лицамъ, то подобные факты приводились въ томъ лишь соображеніи, что въ нихъ болѣе или менѣе рельефно выражался общій духъ, который проникалъ наше свѣтское законодательство, въ его отношеніи къ вопросамъ церковной дисциплины.

Н. Суворовъ.